

бы аллегорией съ либеральнымъ «направлениемъ» — и не больше. Такое же непониманіе діалектики душевной жизни поэта Бѣлый проявляетъ и въ своемъ анализѣ «Я помню чудное мгновенье». Кривая ритма, обнаруживающая его замираніе къ концу стихотворенія, тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что вдохновеніе измѣнило поэту, когда онъ заговорилъ объ «ангеличности» А. П. Кернъ: «онъ аллегориченъ, пишетъ Бѣлый, рисуя не бывшее въ дѣйствительности пробужденіе души; было — желаніе лишь обладанія. Кривая ритма уличила текстъ: Пушкинъ-правдивецъ сказалъ нѣтъ Пушкину-аллегористу: ...врешь, братъ: не божество, а женщина тебя волнуешь». Жаль, что «Пушкинъ-правдивецъ» обратился къ «Пушкину-аллегористу» въ тонѣ, въ какомъ съ Пушкинымъ бесѣдовалъ И. А. Хлестаковъ: Ну, что, братъ Пушкинъ... Для людей, не находящихся съ Пушкинымъ «на дружеской ногѣ», допустимо и другое объясненіе явленія, отмѣченнаго Бѣлымъ: убываніе напряженности ритма въ послѣднихъ строфахъ — оттого, что смыслъ требуетъ этого: «земная» любовь преобразилась въ «небесную», вождельніе претворилось во вдохновеніе, въ созерцаніе «чистой» Красоты, Идеи. Въ «Я помню чудное мгновенье» поэтъ — не впервые и не въ послѣдній разъ — подходит къ **проблѣмѣ Мадонны**. Ея разработка проходитъ черезъ всю поэзію Пушкина. Бѣлый (и это — послѣ Достоевскаго!) этого не понялъ, не замѣтилъ.

П. Бицилли.

О Достоевскомъ. Сборникъ статей подъ ред. А. Бема. Т. I. Прага, 1929. Стр. 162.

Сборникъ этотъ составился изъ работъ руководимаго А. Бемомъ семинарія по изученію Достоевскаго при Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Прагѣ. Статьи, въ немъ помѣщенные, составляютъ только часть докладовъ, обсужденныхъ въ семинаріи, но и въ этомъ своемъ видѣ сборникъ представляетъ выдающийся интересъ для всякаго занимающагося Достоевскимъ. Въ особенности удачна первая статья «Къ проблемѣ двойника», написанная Д. И. Чижевскимъ. Прослѣживая роль идеи двойника въ творчествѣ Достоевскаго, авторъ даетъ тонкій анализъ образовъ Голядкина, Версилова, Ставрогина и Ивана Карамазова. Философскій смыслъ идеи двойничества тѣсно связанъ, по мнѣнію автора, съ проблемой рациональной этики. Отвлеченное добро ведетъ къ «утратѣ своего онтологическаго мѣста» (Голядкинъ), къ «раздвоенію чувствъ и воли» (Версиловъ), къ «холодному равнодушію» Ставрогина и къ «уединенной гордости» Ивана. Особенно удался автору анализъ Ставрогина и Ивана Карамазова. Отвлеченная любовь Ивана къ дальнему, къ «общечеловѣку», безлюбовный характеръ его отношенія къ людямъ, его гордость, «брезгливость» и презрѣніе, въ основѣ которыхъ лѣжитъ «осужденіе» другихъ, — все это проявленія отвлеченнаго добра, воплощеннаго въ

образъ Ивана и ведущаго къ утратѣ имъ своего онтологическаго я^{*)}. Преодоленіе двойничества отвлеченнаго добра — въ любви къ ближнему, въ живомъ, конкретномъ добрѣ, представителями котораго являются Алеша и Зосима. За исключеніемъ неубѣдительныхъ замѣчаній автора о сльдѣ, толкуемомъ имъ какъ то же «презрѣніе» и «отвращеніе» къ людямъ, статья его полна цѣнныхъ сопоставленій, по новому освѣщающихъ многія стороны страдающихъ двойничествомъ героевъ Достоевскаго.

Совсѣмъ иной характеръ носить посвященная «Двойнику» же статья Н. Е. Осипова. Въ своемъ анализѣ образа Голядкина авторъ остается преимущественно въ психіатрической плоскости, показывая, что Достоевскій далъ въ «Двойникѣ» исключительное по вѣрности дѣйствительности и яркости описаніе душевнаго состоянія больного паранойей. Въ дальнѣйшемъ Н. Осиповъ примѣняетъ психоаналитическій методъ истолкованія. Выводы, къ которымъ онъ приходитъ («либидо у Голядкина распределено такъ: сильный нарциссизмъ, значительная гомосексуальность, слабая гетеросексуальность») не убѣждаютъ насъ въ плодотворности психоаналитическаго метода въ истолкованіи смысла художественныхъ произведеній.

То же самое впечатлѣніе получается и при чтеніи обширной статьи А. Бема «Драматизація бреда», посвященной анализу «Хозяйки» Достоевскаго. По мнѣнію Бема, «нѣтъ другого произведенія, къ которому можно такъ легко примѣнить ученіе Фрейда объ эдиповомъ комплексѣ». Между тѣмъ выводы самого Бема, къ которымъ онъ приходитъ съ помощью психоанализа, чрезвычайно бѣдны и легко могли бы быть получены съ помощью простаго здраваго смысла. Гораздо цѣннѣе въ изслѣдованіи Бема полученное имъ безъ всякаго психоанализа истолкованіе «Хозяйки» какъ «драматизаціи бреда» и доказательство вліянія Гоголя (Катерина изъ «Страшной мести») на

*) Въ своей характеристикѣ Ивана авторъ такимъ образомъ въ существенномъ влолиф совпадаетъ съ толкованіемъ образа Ивана, которое мы пытались дать въ своей статьѣ о Братьяхъ Карамазовыхъ на страницахъ этого журнала (кн. 35). Поэтому намъ нѣсколько непонятно замѣчаніе автора: «Гессенъ совершенно напрасно связываетъ этической рационализмъ Ивана именно съ Кантомъ. Достоевскій имѣлъ въ виду этический рационализмъ въ самомъ общемъ пониманіи этого слова, какъ онъ былъ данъ, напр., въ русскомъ просвѣщенствѣ всѣхъ толковъ» (стр. 30). Последнее опредѣленно невѣрно, ибо Д. въ своей записной книжкѣ подчеркиваетъ, что въ образѣ Ивана онъ достигъ глубины изображенія, которая «не снилась» русскимъ просвѣщенцамъ. А, во-вторыхъ, самъ Чижевскій въ своихъ размышленіяхъ по поводу Ивана говоритъ не столько о «русскихъ просвѣщенцахъ», сколько объ этикѣ Канта и (опять таки въ полномъ согласіи съ нами) о «вѣчномъ повтореніи» Ницше, правильно указывая, что «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ («Братьевъ Карамазовыхъ») слышна даже отзвукъ того отвѣта, который далъ Шиллеръ Канту».

«Хозяйку». Очень интересно указание Бема, что уже в «Хозяйкѣ» Достоевскій высказалъ въ зародышѣ основную идею «Легенды о Великомъ Инквизиторѣ» о «страшномъ дарѣ свободы». Указание это, развитое имъ въ цѣлую заключительную главу, Бемъ почему то озглавливаетъ марксистскимъ терминомъ «идейная надстройка». Попытка соединить въ одно цѣлое методъ «влияній», психоаналитический методъ и философское истолкованіе идейнаго содержанія разсказа опредѣленно не удалась автору. Въ результатѣ излишняя растянутость изложенія, которая отчасти только возмѣщается разсыпанными въ статьѣ интересными соображеніями и сопоставленіями автора, перѣдко весьма удачно разъясняющими мало понятый до сихъ поръ разсказъ Достоевскаго.

Какъ всегда интересны изобилующіе удачными цитатами сопоставленія въ статьѣ **И. И. Лапшина** «Какъ сложилась легенда о Великомъ Инквизиторѣ?» Саггіна Вигана, Кантъ, Штраусъ, Монтэнь, Рихардъ Вагнеръ — между ними и образомъ Христа въ «Легендѣ» авторъ находитъ рядъ «схоженій». Такъ какъ однако самъ онъ не настаиваетъ на вліяніи упомянутыхъ авторовъ на Достоевскаго, то слѣдуетъ признать, что заглавіе статьи не соответствуетъ ея содержанию. Во второй своей статьѣ «Образованіе типа Крафта въ Подросткѣ» Лапшинъ убѣдительно показываетъ, что оригиналомъ для образа Крафта Достоевскому послужило реальное лицо — мировой судья Крамеръ, о необычномъ самоубійствѣ котораго повѣствуетъ Кони въ III томѣ своихъ Воспоминаній.

Очень тщательно слѣлана небольшая работа **Р. Плетнева** о мотивѣ «земли» въ творествѣ Достоевскаго. Связь «почвенничества» Достоевскаго съ народными вѣрованіями и преданіями о Богородицѣ вполне убѣдительно показана авторомъ, и слѣдуетъ пожелать, чтобы авторъ, обнаруживающій прекрасное знаніе Достоевскаго и литературы о немъ, расширилъ тему своей работы, занявшись общимъ вопросомъ о вліяніи русской народной традиціи на Достоевскаго, имѣющимъ большое значеніе для уясненія творчества «поэта Петербурга».

Важную тему о взаимоотношеніи Гоголя и Достоевскаго затрагиваетъ **В. В. Зѣньковскій**, показывающій, что подхоль отъ Достоевскаго къ Гоголю способенъ пролить новый свѣтъ на творчество Гоголя. Это бесспорно вѣрно, но, къ сожалѣнію, самъ авторъ не даетъ настоящаго анализа, ограничиваясь въ своей статьѣ лишь нѣсколькими иллюстраціями.

С. I. Гессенъ.